

КРЕЩЕНИЕ НА ВУЛКАНЕ
(о диссертационной работе иерея Г. Кочеткова «Таинственное введение в православную катехетику»)

1. Научная ценность работы.

Общий уровень квалификационной научной работы обычно легко оценить по списку использованной диссертантом литературы. Библиография, приведенная в работе свящ. Г. Кочеткова, ограничивается 45 названиями книг и статей. Среди них Библия, семь святоотеческих сочинений (почему-то отнесенных автором к литературе, а не к источникам); восемь статей популярного характера из «Журнала Московской Патриархии»; четыре книги прот. А. Шмемана (причем оригинал и русский перевод, хоть и не вполне соответствующий оригиналу, одного и того же сочинения указаны под разными номерами); «Настольная книга священнослужителя»; популярная книга прот. Г. Дебольского «Православная Церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах»; «Словарь библейского богословия»; две статьи акад. С. С. Аверинцева по проблемам эстетики; пять работ разных авторов по проблемам пастырского душепопечения; две книги по психологии и психиатрии; книга прот. Г. Флоровского «Пути русского богословия»; предисловие, написанное Н. А. Бердяевым к книге Э. Леруа; три работы прот. Н. Афанасьева; две работы самого свящ. Г. Кочеткова (причем об авторе одной из них говорится: «Николай Герасимов (ныне – свящ. Георгий Кочетков)» – видимо, автор хотел сказать, что книга была опубликована под псевдонимом, но не сумел правильно использовать возможности русского языка). В списке только одна работа на иностранном языке (и та с переводом) – скорее всего, автор не знает ни иностранных языков, ни современного состояния мировой науки. Если исключить источники, популярную литературу и литературу, прямо не относящуюся к заявленной автором теме («Таинственное введение в православную катехетику»), то вся библиография сведется к двум позициям – старой, но до сих пор актуальной работе А. Алмазова «История чинопоследований крещения и миропомазания» и написанному иером. М. Арранцем для Ленинградских Духовных Академии и Семинарии учебнику «Исторические заметки о чинопоследованиях таинств по рукописям греческого Евхология». Итак, претендующая на высокое богословское достижение диссертация написана на основе семинарского учебника и популярных публикаций. Это подтверждается и просмотром ссылок в тексте работы: из 158 ссылок 55 – на учебник Арранца, 17 – на книги Шмемана, рассчитанные на не очень сведущих в литургике и богословии людей, 8 – на книгу проф. Д. Е. Мелехова по психиатрии, 6 – на вторую программную работу самого Кочеткова «Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях» (у Кочеткова есть еще две программных работы – «катехизисы» и статья «Приходские общины в православной церкви и потребности современного общества в СССР»). Указанные в библиографии творения св. Отцов используются всего один-два раза, при этом цитируются только несколько вырванных из контекста фраз, удобных автору («вода остается водой» и под.). Никакого разбора святоотеческих сочинений автор не делает. Такая скудость в цитировании источников и плохое использование исследований по сходной тематике могли бы (с натяжкой, конечно) компенсироваться тем, что автор вводит в оборот новый источник. Но свящ. Г. Кочетков никаких новых источников в научный оборот не вводит.

Итак, диссертация написана практически без использования источников, а вся информация исторического характера почерпнута составителем из семинарского учебника. Основным ее содержанием являются фантазии автора. Это – полный провал: работа, «главная идея которой заключается в освещении путей достижения (или актуализации) полноты церковности как отдельным человеком, так и, следовательно, всею церковью» (с. 3), – всего лишь ученическое сочинение, лишенное научной ценности.

2. Богословская «ценность» работы.

Бессодержательная с научной точки зрения работа свящ. Г. Кочеткова очень содержательна с точки зрения богословской. Конкретнее – в ней содержится немало идей, для православного богословия непривычных и даже чуждых; чуждых настолько, что возникают сомнения в православии ее автора¹.

Основополагающей идеей Кочеткова, которую он затем реализует в своих христологических, экклезиологических, сакраментологических и прочих концепциях, является полное разделение духовного и телесного миров; несторианство, доведенное до логического завершения.

Вот как излагает свящ. Г. Кочетков свою христологию:

[Верую] во Единого Живого **Творца** мира и человека – **Бога, и в Помазанника** Духом Божиим – **Иисуса, воскресенного** Богом и **сделанного** Им **Спасителем** и Судией всего мира (см. Деян 5:30–31)... (с. 224).

[Верую] Во Единого Святого Живого Бога... и в Превечное Живое Творческое Премудрое и Единородное Слово (Логос) Его, Духом и Силой Божией (см. Деян 10:38) явившееся в мир и **воплотившееся в Сыне Человеческом...** (с. 225).

Догмат Богочеловечности Иисуса Христа говорит о Его универсальной Гармонии, т.е. природной Полноте божественного и человеческого и **личной логистической Целостности, пронесенной Им до конца**, до Победы в Воскресении (с. 107).

Здесь мы наблюдаем чисто несторианское учение о «логистическом» соединении двух личностей – Логоса и Иисуса во Христе; по мнению о. Георгия, Христос мог бы и не пронести его до конца...

Христологическое несторианство влечет за собой экклезиологическое – на протяжении всего своего труда автор постоянно различает Церковь и церковь (с заглавной и строчной букв соответственно), разделяя Церковь на невидимую (с заглавной буквы) и видимую (со строчной буквы):

Церковь не исчерпывается своим плотским, внешним и формальным аспектом, тем более что **сами ее мистические, сакраментальные (мистериальные) и канонические (юридические) границы могут не вполне совпадать** (с. 231).

При внимательном чтении складывается впечатление, что с точки зрения Кочеткова границы Церкви и церкви не «не вполне», а почти совсем «не совпадают».

Однако христологическая и экклезиологическая тематика в данной работе затрагивается лишь между делом – основным содержанием работы является своеобразное учение о таинствах и множество небезынтересных практических рекомендаций.

В своем учении о таинствах Кочетков последовательно проводит разделение между их духовной стороной и обрядом:

Церковь никогда не может признавать бездуховное и бесплодное крещение своим, т.е. подлинным таинством Крещения, даже если оно совершалось ее истинным представителем с соблюдением всех основных внешних формул и правил (с. 231).

Уж **так ли важны в Церкви** традиционно конкретные «формы» и «формулы» таинств? Неужели в Церкви эти таинства, совершившись, не могут быть явлены и объявлены и иначе? (с. 225).

Ни одно истинное живое² таинство не имеет неподвижных «форм» и «формул» (с. 48).

Иногда не грех крестить «вновь» иного «православного», даже слывшего «батюшкой» или «старцем» и не «перекрещивать» иного **престеца** – пятидесятника–единственника (унитария) или **иеговиста** (с. 223).

Нужно сразу заметить, что здесь Кочетков просто лжет – Церковь **всегда** признавала совершенное по правильной форме правильно поставленным священнослужителем своим. Мысли, подобные кочетковским – «А благодатно ли крещение недостаточно уверовавшего?», и т.п., – давно смущали некоторых христиан, поэтому утверждение о неповторяемости Крещения – именно обряда! – вошло в текст Никео–Цареградского Символа веры: «Верую во едино Крещение».

Для подтверждения своего лжеучения о. Георгий ссылается, в частности, на свт. Кирилла Иерусалимского:

¹ При цитировании работы о. Георгия, в квадратных скобках [] мы приводим свои комментарии; *курсивом* выделено свящ. Г. С. Кочетковым; **полужирным** выделено нами. Примечания цитируются наравне с основным текстом — надо полагать, автор вполне ответствен и за их содержание. Ввиду того, что многие мысли разбросаны по книге, они сведены воедино, так как и сам о. Георгий предлагает читать свою книгу именно таким образом — число перекрестных ссылок в книге сильно превышает число ссылок на литературу.

² Резонный вопрос — а что такое «мертвое» Таинство?

«Второе» крещение может иметь место, когда «первое», будучи бездуховным, остается бесплодным и потому Церковь не может признать его своим... Тогда «вода приняла» крещаемого, а «Дух нет» (с. 165).

И действительно, на с. 4 распространенного русского издания «Поучений» свт. Кирилла (М., 1900; 1991^Р) мы читаем: «Вода тебя примет, но дух не примет».

Однако на соседней странице — 5-ой — свт. Кирилл объясняет свое высказывание: «Нельзя принимать крещение дважды или трижды; иначе можно было бы сказать: в первый раз оно было для меня бесполезно, так в другой поправлю. Напротив, если в первый раз было без пользы, то не поправишь. Ибо *един Господь, и едина вера, и едино крещение*». Как видно, святитель Кирилл делает вывод, полностью противоположный кочетковскому! О. Георгий, не мог не читать этого текста — он находится в непосредственной близости с цитируемым им. Но он его игнорирует...

В связи с расчленением таинства на духовную и телесную составляющие сразу возникают, с одной стороны, химеры «духовного» и «харизматического» Крещений:

[Духовное крещение –] это такое Крещение во Христа, когда на пути к нему по его Духу и смыслу многое, если не все, человеком было действительно настолько усвоено, что таинство реально внутренне совершилось, хотя не совершалось самого его таинстводействия. В этом случае Крещение осталось внешне и церковно адекватно непроявленным, и потому здесь, при совершении чина таинства, речь уже должна идти не столько о «втором» крещении, сколько о «восполнении» первого и единственного соответствующими церковными чинами, во свидетельство его истинности и реальности (с. 168).

«Харизматическое» Крещение может вообще не иметь никакого определенного чина и состоять только в духовно-душевно-телесном «погружении» и «восстании» (воскресении) человека со Христом и во Христе по Вере и Любви к Богу и человеку. Если при этом Дух Святой обильно и истинно излился на крещаемых, что могут засвидетельствовать «двое-трое» подлинных членов Церкви, то уже не требуется никакого «восполнения» таинства Просвещения ни таинстводействием крещения, ни миропомазанием, ибо подлинное «харизматическое» Крещение может стать (хотя так или иначе может еще и не стать, см., например, Деян 10:44–48) полным таинством Просвещения (с. 233).

Вопрос о возможности в чрезвычайных обстоятельствах самокрещения (в силу той же особой личности этого таинства) и Крещения после смерти человека Самим Господом (ср. 1 Пет 3:19 и 4:6) «в море Своих щедрот», как и в той или иной форме «заочного» крещения, в т.ч. упоминаемого ап. Павлом «крещения для мертвых» (1 Кор 15:29), остается открытым, хотя в Церкви были³ и есть⁴ соответствующие прецеденты и опыт, применение и признание которого требует, однако, особого дерзновения и даже большого риска, особенно во втором и третьем случаях (с. 10).

Кроме мученического «Крещения кровью», а также «Крещения потом, кровью и слезами», известно еще и «духовное Крещение», т.е. неполное, лишь душевно-духовное переживание «погружения» и «облечения» во Христа, не обязательно совсем без какого-либо таинстводействия, но всегда без всякого материального «вещества таинства». «Духовное Крещение» в отдельных случаях по свидетельству Духа Святого может быть признано Церковью за истинное и реальное, но даже и тогда оно требует при первой же возможности «восполнения таинства», т.е. совершения, прежде всего, «внешних» таинстводействий водного крещения, как и помазания св. миром, с соответствующей корректировкой чинов. Здесь есть прямое сходство с так называемым «духовным Причастием», которое тоже бывает истинным, но которое никогда не в состоянии целиком заменить собою причастия освященным в Церкви Хлебом и Вином...

Очень близким к только мистическому «духовному Крещению» является некое приобщение человека единому в трех лицах Богу Творцу «через рассмотрение творений», т.е. в самих богооткровенных тварях – духовных (ангельских) стихиях тварного мира, как бы Крещение, например, в «благорастворенном воздухе», или, так сказать, в «грозе и буре», в «большом и сильном ветре», «огне и вихре», «землей благою», или «землетрясением» и «на вулкане», в «эфире» и «космосе», наконец, в «веянии тихого ветра», в которых – Господь (см. 3 Цар 19:10–12; ср. Исх 33:21–23 и Мф 17:23). Очевидно, что стихии света, огня и воздуха, «воздушного океана» довольно близки воде по своему образу и некоторым свойствам, они же в определенном смысле и «дух» (ср. Пс 103:4). Однако вопрос о Креще-

³ Пример?

⁴ Примеры???

нии в них, точнее, о возможной степени откровенного спасительного Богопознания чрез них, **остается** в Церкви **духовной тайной** (с. 13-14).

Всем христианам надо четко знать, что всякое Крещение, совершенное не епископами-пресвитерами (**кроме «харизматического»**), требует обязательного своего «восполнения» ими, без чего не может быть полного участия новокрещеного в жизни Церкви, прежде всего, его участия в Евхаристии (с. 177).

Что надо отличать от тех же таинств, целиком, внутренне и внешне совершенных **харизматически** (но не **магически!**), когда требуется только их полное признание Церковью по «Духу и духу» и спасительным «плодам» вместе с **признанием** ею подлинной церковности **личности харизматика** (с. 233).

С другой стороны, обряды таинств становятся необязательными вплоть до их полной дезинтеграции:

Таким образом, зная, что в самом крайнем случае, например при необходимости срочного крещения, **все «предогласительные» чины** 1-го, 8-го и 40-го дней **могут быть опущены**, надо все же помнить об их значительности и важности, особенно второго и третьего из них. Надо стараться не искажать и не сокращать их, а при необходимости сокращения знать, какие молитвы в составе чинов являются важнейшими... **Вторая часть чина** 40-го дня, т. е. второе воцерковление, теперь **имеет**, как правило, лишь **очень условный и относительный смысл**, поскольку совершается вне так называемых крещальных литургий церковной общины, живущей как одна духовная семья (эти литургии до сих пор почти нигде в нашей церкви не восстановлены); (с. 24).

В наше время первая часть 2-го оглашения устойчиво сохраняется и даже иногда расширяется за счет произносимого до или после нее пастырского слова.

Вторая же, в зависимости от духовного, а не только душевнопсихического, состояния крещаемого и обстоятельств, **может употребляться** как в полном объеме, так и **в сокращении** (например, только «четвертая молитва» или еще какая-то одна из «запретительных»), как однократно, так, в принципе, и многократно.

Третья часть, смотря опять же по обстоятельствам, **тоже может совершаться** в расширенной или **сокращенной форме...** без учета позднего требования троекратных повторений вопросов и ответов, **без формальных требований** к знанию наизусть Символа веры и **исполнению** малоопытных современному **человеку символов поднятия рук, оборачивания на запад** (что вообще является по преимуществу «взрослым» элементом), **дуновения** и, тем более, позже вставленного плевания... **можно совершить одну эту третью часть, при желании** предварив «четвертой молитвой» чина оглашения. При этом следует заметить, что тогда, вопреки распространенному несколько суеверному мнению, **«запретительные» молитвы читать не нужно** (с. 29).

Из сказанного следует, что если у пастыря нет уверенности в том, что обратившиеся к нему (а в его лице – к Церкви) крещаемые или их родители, или крестные подготовлены к Крещению в достаточной мере, то надо или на *определенное* время отложить крещение, или всерьез отделить от него оглашение. Тогда младенцам для начала может быть достаточно молитвы 1-го оглашения, а в какой-то степени уверовавшим взрослым людям – того же, но, может быть, уже и первой и второй части 2-го оглашения. **В крайнем случае** (под свою полную личную ответственность!) **можно все же провести оглашение и крещение вместе, но в самом кратком варианте** (без повторов, с разумными сокращениями и т.д.), *максимально доступно и понятно*, не спеша, давая все необходимые пояснения и подчеркивая главные моменты (с. 32).

Если вместо общины на «крестины» пришли только крестные (да еще и неизвестные пастырю) и принесли одних младенцев или пришли лишь «несознательные» взрослые кандидаты в крещаемые, **тогда** нужна прежде всего подготовка к таинству, ради чего **можно видоизменить чин** [крещения] или пока остановиться на одной из огласительных ступеней..., **надо помнить**, как и во всех случаях, *чему служат* в чине возглас и мирная ектенья и *стараться добиваться этого результата*, даже если иначе нельзя, **ценой сокращения самой этой ектеньи с возгласом** (с. 42).

В самых же крайних случаях **можно и вовсе опустить эту часть** «Последования», **так же**, впрочем, **как и следующую** (с. 45).

Смотря по обстановке, пастырь может пойти двумя путями: **или сократить чин**, используя уже освященный елей и совсем **опустив** молитву его освящения и **формулы при помазании частей тела**, а оставив лишь само помазание и «Аллилуйя» с объявлением, либо, наоборот, попытаться довести до ума и сердца молящихся все происходящее и совершить весь чин целиком, но тогда, конечно, с условием дальнейшего полного погружения при крещении (с. 47).

По **крайней необходимости** «восполнение» таинства Крещения **может быть сокращено** до чистых актов миропомазания и причащения, но **все равно сопровождаемых духовным общением** и по возможности соответствующей, пусть и краткой, **беседой** до и после таинстводействий (с. 178).

Чин крещения *«страха ради смертного»* (см. «Требник», ч. 1). Он состоит из сильно сокращенной молитвы на освящение воды и вливания в эту воду ея, собственно крещения и облачения новокрещеного, миропомазания и пения «елицы во Христа» с отпустом. По краткости этот чин напоминает «мирянский», хотя является, в отличие от последнего, полным. Но **при острой необходимости или особом желании крещаемого** и при достаточной подготовке крещаемого **возможно** и еще большее **сокращение чина вплоть до чистых актов и формул таинств...** Конечно, вслед за миропомазанием... должно следовать и **причащение, кратким же чином** (с. 182).

Одеяние в белую одежду, возложение креста, вручение горящего светильника – великие образы и символы происходящего с человеком в таинстве Крещения... Всегда следует выбирать главнейшее, и потому, **ради возрождения символизированной реальности** в жизни крещаемого, и **можно вовсе отказаться даже от самих символов**, а значит, и от соответствующих заключительных моментов четвертой части «Последования» (с. 50).

Лучше было бы, если уж не **совсем отменить**, то **до минимума сократить сам чин «измовения» и «пострижения»**, совершив его на своем месте, а совсем бы хорошо – и в свое время (с. 57).

«Снятие белых одежд», «измовение» и «пострижение», как и всякий символический церковный «полулитургический» обряд, **может совершать пресвитер или епископ, но в крайнем случае**, если таковых почему-либо нет, и **любой достойный «представитель» Церкви**, имевший личное отношение к совершавшемуся перед этим таинству и таинстводействию. **В самом же крайнем случае весь этот чин может быть опущен** (с. 64).

Если, скажем, **проповедь заняла много времени и есть необходимость сократить первую часть – чин омовения**, то **можно ограничиться лишь первой молитвой** (желательно – совместив ее с положенным здесь древним обрядом руковозложения) и **отиранием знаков мира** с подобающими торжественными возгласами. В самом крайнем случае **можно опустить этот чин вовсе... При необходимости сократить и вторую часть – чин пострижения, можно оставить лишь сам постриг** с соответствующим возгласом, т.е. объявлением-формулой, а в крайнем случае, как и *при присоединении к православию* (по «Книге чинов» и т.д. – см. гл. II, 4.9-11), **можно опустить эту часть вовсе**. Если эти **чины** все же *совмещаются с таинстводействиями миропомазания*, то их **можно сократить до минимума**, например, **до двух возгласов – омовения и пострижения, может быть, еще с первой молитвой** первой части и обязательного в этом случае предварительного слова-пояснения и заключительного **отпуста, которым также может быть живое слово-напутствие** (с. 62-63).

Следует помнить только одно:

Путь же механического воспроизведения всех чинов подряд⁵ для пастыря закрыт навсегда! (с. 56).

Расчленение видимого и невидимого компонентов таинства Крещения позволяют свящ. Г. Кочеткову добиться очень важного для него результата – полностью отвергнуть Крещение всех крещеных, но нецерковных (или недостаточно церковных, по понятиям самого Кочеткова) людей:

В Церкви **возможно только одно-единственное таинство Крещения и Миропомазания, которое**, разумеется, должно **в нормальном случае** выявляться и **одним-единственным таинстводействием** (образом, чином, сакраментальным актом). Впрочем, как мы увидим, **в последнем возможны свои оправданные исключения**, чаще всего связанные с разбираемыми нами «чрезвычайными обстоятельствами».

Конкретно это означает следующее.

«Второе» крещение может иметь место, когда «первое», будучи бездуховным, остается бесплодным, и потому Церковь не может признать его своим. Тогда, по известному выражению св. Григория Нисского, «вода осталась водою», а подлинного таинства Крещения так и не было. Тогда «вода приняла» крещаемого, а «Дух нет» (св. Кирилл Иерусалимский).⁶

⁵ Читай: нормального их совершения, в соответствии с официальными богослужебными книгами, утвержденными Соборами и священноначалием, не отступать от которых клялся некогда и сам о. Георгий, принося свою священническую присягу.

⁶ По поводу «честного» цитирования о. Георгием Святых Отцов см. выше.

Причиной бездуховности и бесплодности «первого» могли служить искажения самим «крещеным» основ своей христианской веры (первый случай) или жизни (второй случай) в период его подготовки к крещению, в процессе совершения таинства и после него, а также кардинальные духовно-нравственные (в вере и жизни) ошибки «крестителей» в те же моменты, как и грубые искажения ими самого чина крещения (третий случай).

Люди, формально... бывшие «крещеными» в церкви, но по тем или иным причинам вполне и сознательно всегда, до и после этого, **отрекавшиеся от христианской веры и (или) всегда открыто и убежденно исповедовавшие свою атеистическую или иную нехристианскую веру, должны быть Церковью крещаемы** после их обращения.

Во втором случае, **при преодолении искажений важнейших основ христианской жизни, подразумевается Крещение («перекрещивание») тех уже «крещеных» людей, которые, возможно, внешне и не отрекались от христианства, но реально всегда жили «как нехристи»** – вне Бога, без Христа и Его Церкви. «Первое» крещение таких было по вине их самих или их «крестителей» **лишь внешним, полумагически языческим действием, или безблагодатной греховной формальностью**, совершавшейся с двусмысленной верой по корыстным соображениям, а часто – и просто вне какой-либо каких-либо соображений, может быть, кроме корысти только по культовой, культурно-исторической или еще какой-нибудь инерции (с. 165-167).

В третьем случае... **надо креститься «вновь», если кто-либо был явно и вполне неверующим** во Христа человеком-атеистом или нехристианином. Далее, **если человек крестил себя сам, хотя здесь, вероятно, возможны и исключения**, подобные тем, которые знает история церкви; **если крестили сознательно неверующего или совершенно не наученного христианской вере и жизни человека**, т.е. совершенно неведущего, но который сам или в лице своего поручителя мог бы ведать, во имя Кого он крестится; **если крестили не по формуле «во имя Отца и Сына и Святого Духа» (или в крайнем случае – «во имя Иисуса Христа)**, при верном исповедании Единого в Троице Бога); **если крестили без какого-либо погружения, обливания и т.п., хотя бы единокротного**, или не в подобающем веществе и т.д. (с. 167-168).

Судить же о бесплодности такого крещения, о его полной бездуховности и недейственности, а потому, как уже отмечалось, и недейственности, может лишь тот член Церкви, который имеет личный благодатный дар Божий «различения духов». Это же в свою очередь, с одной стороны, требует от него дерзновения харизматика, а с другой, – требует от Церкви (хотя бы в лице двух-трех ее святых или истинных старцев) согласия и принятия его харизмы, т.е. церковного признания подлинности его дара. Других, тем более каких-либо законно-формальных, внешне-канонических критериев и признаков здесь нет и быть не может (с. 167).

Таким образом, **в самом общем виде** можно сказать, что «второе» крещение и (или) миропомазание становится возможным и даже **необходимым** только тогда, когда «первое» совершалось, но не совершилось в истинном христианском духе и смысле, по содержанию и (или) форме не удовлетворяя даже минимальным церковным требованиям, **а также тогда**, когда оно хотя и совершилось в главном и внутреннем – духовно, но требует еще того или другого внешнего таинстводейственного своего «восполнения» (с. 171).

Еще один из случаев необходимости «перекрещивания» – незнание человеком или какой-либо группой людей о своем Крещении и (или) Миропомазании, **как внутреннее, так и внешнее забвение таинств, неведение их** самих и их спасительных плодов. Это равносильно грубейшему нарушению основ христианской верной жизни в живой вере (с. 171).

Итак, такова точка зрения о. Георгия. Однако вот какой была точка зрения покойного профессора Свято-Сергиевского института, в который была представлена разбираемая работа, В. Н. Лосского: «В Символе веры мы исповедуем «едино крещение» (unum baptisma). Это торжественное утверждение единокротности крещения. Апостол Павел ясно говорит об этом ефесянам: «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф. 4, 5–6). Так же, как мы исповедуем, что Господь наш основал только одну Церковь, исповедуем мы и то, что есть только одно крещение, ибо едина и нераздельна Пресвятая Троица, во имя Которой нас крестят, как повелел Спаситель (Мф. 28, 19). Поэтому Церковь не возобновляет крещения и принимает в свое лоно, не перекрещивая, еретиков, которые были крещены во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, в соответствии с VII каноном II Вселенского Собора (381 г.). «Действительность» крещения в данном случае обуславливается правильным совершением таинства с точки зрения содержания и формы, с одной стороны, и принадлежностью того, кто совершал обряд крещения, к какой-либо

христианской общине, исповедующей первичный догмат о Пресвятой Троице⁷, с другой стороны. Крещение **не повторяется, если иной христианин отрекается от веры**, а впоследствии прости Церковь снова принять его в свое лоно. Ибо печать Бога на каждом крещенном неизгладима: проступок сына не разрывает его связи с отцом, таже как великое множество грехов и вся тяжесть их не упраздняет возможностей, дарованных крещением. Всегда открыт путь покаяния, о чем и напоминает нам Господь в притче о блудном сыне.» (В. Н. Лосский, *еп. Петр (Л'юилье)* Толкование на Символ веры. Киев, 200. С. 53). Как видим, богословы «парижской школы», за авторитет которой о. Георгий пытается спрятаться, полностью отрицают его «оправданные исключения».

Если уж требовать особой христианской подготовки от *верующих*, хотя и бывших неправославными христиан, а в отдельных случаях их миропомазывать или даже крестить, то как не потребовать оглашения и проверки истинности обращения от бывших сознательно *неверующими*, хотя и **когда-то крещеных в Православной церкви**? Человек **неверующий, не член Церкви, никогда не может быть назван в полном смысле слова крещеным, что бы ни говорили об этом юристы-канонисты. Всех таковых надо принимать в Церковь, если не через Крещение**, для чего надо было бы уж очень тонко «различать духов», в каждом случае церковно определяя, когда «вода осталась водой», а когда нет, **то через Миропомазание**, как того требует, начиная с IX века, поныне «действующий», ибо всегда включаемый в Большой требник, чин св. Мефодия (надо думать, что до IX века *таких* проблем в Церкви не было, хотя апостаты-отступники, увы, были всегда – ср. 1 Ин 2:19).

На наш взгляд и по имеющемуся опыту, все присоединяемые по этому чину должны проходить подготовку и испытание наравне с оглашаемыми 1-го и 2-го оглашения, с той лишь разницей, что покаянный момент должен быть усилен, по указанию чина св. Мефодия (второй случай; с. 37-38).

Всякое **повторение чинов крещения и миропомазания** – это духовная реакция церкви на Божью Свободу ответить «нет» на совершаемые ею таинстводействия, обличающая эту церковь в собственной неверности. Это – **гарантия духовности, а не магичности действия церковных таинств. Это – живое свидетельство грехов всей данной поместной церкви**, которые не есть, естественно, грехи Церкви⁸ (с. 173).

Итак, свящ. Г. Кочетков открыто признается, что будет перекрещивать «когда-то крещеных в Православной церкви» (с. 37) и не перекрещивать некрещеных людей:

Иногда не грех крестить «вновь» иного «православного», даже слывущего «батюшкой» или «старцем», и не «перекрещивать» иного простеца – пятидесятника-единственника (унитария) или иеговиста (с. 223).

С этого момента взгляды Г. Кочеткова с его священным саном становятся несовместимыми, по 47-му апостольскому правилу: *Пресвитер, аще по истине имеющаго крещение вновь окрестит или аще от нечестивых оскверненнаго не окрестит, да будет извержен.*

Далее, наряду с повторным крещением возникает и повторное миропомазание:

«Второе» миропомазание всегда связано с «восполнением», т.е. доведением до жизненной полноты по вере, дара благодати Святого Духа в человеке и, значит, с восстановлением его церковности в духовно-глубинном смысле этого слова. Поэтому оно может быть совершено только тогда, когда уже крещеный и в той или иной форме «миропомазанный» человек не мог в своей общине эту полноту получить или лично воспринять, например, из-за существенного разрыва непрерывности и (или) умаления подлинной полноты Священного Предания, ущерба апостоличности и кафоличности Церкви в большинстве протестантских церквей и обществ.

Другими словами, **«второе» миропомазание требуется тогда, когда христианин был «миропомазан» не там, где полнота Святого Духа живет постоянно, или не так, т.е. без соответствующей формы (чина) таинства или же с существенными искажениями этой формы.**

«Второе» миропомазание должно совершаться и тогда, когда человек уже в своей жизни получал, но так лично и не получил или, хуже того, вольно или невольно, не успев получить, сразу же потерял печать и дар Святого Духа, и, следовательно, таинстводействие миропомазания осталось для него лишь внешним чином без каких-либо «плодов Духа». Конечно, это состояние человека можно прозреть, узнать и верно оценить только по духу

⁷ Заметим здесь, что ни иеговисты, ни унитарии, перекрещивать коих о. Георгий не намерен, указанный догмат не исповедуют...

⁸ Этот пассаж оставляем вообще без комментариев.

его и по плодам, **о чем опять же можно судить** только церковно, в Церкви и только духовно, различая духов и зная конкретно сложившуюся жизненную ситуацию.

Так, бывает, что человек был крещен и «миропомазан» в младенчестве или детстве и т.д., но затем, пусть и не по злобе, а из-за отсутствия христианского воспитания, по неведению, страху и неучению или другим подобным причинам, стал практически жить как неверующий или инаковерующий. Он может внешне как бы и не отречься от Бога и Христа Его, но в то же время и не исповедовать христианской веры или пусть даже внешне исповедовать ее, но нисколько не жить по ней, по ее учению, закону и, главное, духу. Такой человек вновь может «вдохновиться» и «воцерковиться» только через «второе» миропомазание (с. 170).

Относиться к таким людям, крещеным обычно, хотя и не обязательно, в детстве, но воспитанным и жившим вне Веры и Церкви, как к отступникам «по своей воле» нельзя, но также недопустимо принимать их в Церковь без всякой подготовки и оглашения, просто посоветовав исповедаться и причаститься «на общих основаниях», наряду с теми, кто, может быть, исповедовался и причащался месяц или неделю, или пусть даже год назад. Уход из Церкви, даже несознательный и невольный, даже связанный с мучениями для самого человека (внешними или внутренними – сейчас неважно) – не безразличный для Церкви факт чьей-то личной биографии. Если человек вне Церкви, то он вне Бога и вне Его Духа, а значит и принимать его надо не просто «лечением» таинства Покаяния, обычно теперь предназначенного лишь для уже верующих, но впадших в грех людей, которые желают изжить его не просто разговором или беседой, даже очень полезной и плодотворной, а таинством Духа Святого, ими столь несчастливо полученного и утраченного.

Однако, из положительного решения вопроса о возможности перекрещивания:

Может возникнуть формальный вопрос, а не может ли человек вновь потерять благодать таинств Крещения и Миропомазания и в связи с этим надеяться на третье и т.д. их совершение? Может быть, если снова «вода осталась водою» или Дух Святой не вселился верою в сердце человека, надо повторять и повторять крещение и миропомазание? А если так, то что же практически остается от веры «во едино Крещение»?

Конечно, в принципе, и «второе» крещение и (или) миропомазание может в очах Божьих по Его неисповедимому суду остаться недейственным и недействительным, но что тогда делать – вопрос всегда открытый, ибо здесь тайна, не допускающая никакой рационализации, систематизации или канонизации. Но если такой случай встретится в жизни, обязательно найдется и ответ, ибо для Церкви безвыходных положений не бывает (с. 172-173).

Итак, число Крещений потенциально может непрерывно возрастать. Когда же следует остановиться? А тогда, когда это прикажет некий «харизматик»:

Судить о бесплодности... крещения... может лишь тот член Церкви, который имеет личный благодатный дар Божий «различения духов». Это же в свою очередь, с одной стороны, требует от него дерзновения харизматика, а с другой – требует от Церкви (хотя бы в лице двух-трех ее святых, или истинных старцев) согласия и принятия его харизмы, т.е. церковного признания подлинности его дара. Других, тем более каких-либо законно-формальных, внешне-канонических критериев и признаков здесь нет и быть не может (с. 167).

Кто этот «харизматик» – можно только догадываться...

Отрывая духовную сторону таинства от телесной, Кочетков вводит также категорию «полноты» таинства:

Так должна обеспечиваться в Церкви живая целостность таинства Просвещения для каждого ее члена. При этом будут снова нужны особые такт, внимание и вера в просвещаемого с молитвой за него и о том, чтобы не говорить и не делать ничего лишнего, еще недоступного ему, и в то же время чтобы не упустить ничего «необходимого». Это «необходимое», с одной стороны, определяется индивидуально и отдельно в каждом конкретном случае, но с другой, оно должно исходить из понятия о минимальных требованиях, предъявляемых Богом и Церковью в таинстве Просвещения.

Такие требования относятся ко всем, и без реализации в жизни человека даже только одного из них, о таинстве его Крещения нельзя думать иначе, как о неполном или совершенном с существенными нарушениями. Так, например, ненаученность или недостаточная наученность крещеного основным принципам христианской веры и жизни требует «восполнения» этого огласительного звена, хотя и без обязательного повторения предогласительных и огласительных молитвенных чинов. Неустойчивость в каких-либо нравственно-аскетических и догматических вопросах требует укрепления и развития в этом таинствоводственном направлении. Также недостаточное знание текста Священного писания Ветхого или Но-

вого Завета требует своего «восполнения» на уровне дальнейшего таинствоводства через систематическое обучение, т.е. уже на первой ступени христианской «школы» (с. 178-179).

Можно сказать, что **ныне так или иначе требуют «восполнения» чуть ли не все Крещения**, совершающиеся в нашей церкви даже через вполне **порядочных священнослужителей** и крестных, поскольку при этом никогда не обходится без существенных упущений и (или) нарушений.

В первую очередь, это касается вообще всех и всегда неполных (несовершенных) младенческих и детских Крещений, после которых в современных условиях особенно важно привести этих крещеных «во время благопотребное» к плодотворному **покаянию**, личной (взрослой, зрелой и ответственной) вере в Бога и во Христа Его и к **личному общению с Ним и Церковью в молитве, причастии** и чтении слова Божьего через полную катехизацию.

К сожалению, почти никогда не составляют исключения и новокрещенные во взрослом состоянии. Более того, **исходя из опыта, приходится утверждать, что «восполнять» свое таинство Просвещения хорошо было бы даже и давно крещеным и вроде бы нормально церковно живущим людям, вплоть до самих «учащих» священнослужителей разных чинов и рангов...** (с. 180).

С самого начала «восполнения» таинства Крещения, **какой бы характер оно ни носило** и чем бы ни завершалось, **просвещаемому надо рекомендовать** (но не более!) на время **встать в соответствующий разряд оглашаемых** того или иного разряда. Практически это означает, что до своего полного воцерковления, будь то через крещение, миропомазание, покаяние или причастие, ему, может быть, **придется прекратить всякое участие в таинствах, уходить на «изыдите, оглашенные»** и т.д. Однако исполнение огласительных условий не должно снимать с него и общих для всех крещеных членов Церкви требований **исполнения заповедей Христовых**, пусть пока только посылно, «по минимуму» (с. 179).

Итак, все крещения, совершавшиеся в Русской Церкви до Кочеткова, недействительны (с. 180), восполнять их (т.е. проходить оглашение по кочетковскому катехизису) нужно даже священнослужителям.

Особенно неполны крещения детей. В баптистском духе Кочетков вообще относится к детским крещениям с крайним подозрением:

В угоду суеверному страху перед абстрактно-схоластически и законнически понятым перво-родным грехом и соответствующей участью умерших без крещения с XI века распространилась практика крещения младенцев на **самый сороковой** и с XVI века даже на восьмой день по рождении. Впрочем, этому также способствовала очень древняя (**со второй половины II-III веков**), но **поместночастная** и всегда не единственная практика такого же раннего крещения в ряде крупных церквей, особенно карфагенской, отчасти александрийской и, может быть, римской (с. 17).

В большинстве даже **относительно благополучных случаев детского крещения** (с. 59).

Почему крещения детей неполны? В первую очередь, потому, что:

Всем ... членам [Церкви] нужно **приготовление** себя к каждому таинству – с **рассуждением и испытанием изменения жизни** человека, **без чего нельзя будет ни усвоить дары таинства**, ни принести соответствующие ему плоды. Из этого как раз и следует, что катехизация всех ступеней обязательна для всех желающих быть полными членами Церкви (с. 5).

Выходит, те, кто не могут, с точки зрения свящ. Г. Кочеткова, «рассуждать» о таинстве – не могут и креститься? Не могут, ибо они – вообще не люди:

Именно исходя из желания приобщить ко Христу всех, даже пришедших «в двенадцатый час», т.е. находящихся уже на смертном одре, а также тяжелобольных, стремясь, в меру сил и возможностей их веры, «проповедуя Евангелие Царства, **исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях**» (Мф 4:23,9:3), Церковь уделяла больным и немощным особое внимание.

Подчеркнем, что всегда все-таки в людях, а не в человекообразных существах (с. 134).

Конечно, **во всех случаях, когда крестить одержимого или психически больного** оказывается пока **невозможно**, молитвенно огласить его, сделав оглашаемым 1-го или 2-го оглашения **со всеми проистекающими** отсюда **последствиями**, не только не вредно, но и просто желательно, если только **им не потерян окончательно человеческий образ**.

Абсолютным препятствием к Крещению является абсолютно бессознательное состояние человека и (или) состояние полной невменяемости. Тогда **нельзя крестить даже умирающего, ибо такой человек или уже не человек**, или, если человек, то не способный реально подтвердить свою свободную волю к Крещению и соединению с Богом. Крещение такого человека было бы актом насилия, которое, в отличие от требуемого от нас евангелием

постоянного усилия, в христианстве ничем и никогда не может быть до конца оправдано (с. 140).

Если младенец совсем не проявляет свойственных его возрасту адекватных человеческих реакций, то даже «страха ради смертного» нельзя крестить и его, ограничиваясь в лучшем случае (т.е. если есть реальная надежда на обретение им человеческого образа в будущем) молитвами чина 40-го дня 1-го оглашения (с. 140).

Здесь мы сталкиваемся уже с фашистской идеологией – Кочетков, оказывается, может точно решать, кто «еще человек», а кто человеческий образ утратил.

Однако неполноценными являются не только инвалиды и дети, но и «безъязычные»:

Еще одной разновидностью чрезвычайных случаев, встречающихся при Крещении, является **отсутствие нормального «общего языка» с крещаемым** из-за его полного «безъязычия», как внешнего – физико-патологического или лингвистического, так и **внутреннего**.

Мы имеем в виду всех «безъязычных» взрослых людей, прежде всего инвалидов – немых, глухонемых и даже, может быть, обученных и **не потерявших человеческий облик слепоглухонемых**, или других тяжелобольных и умирающих, находящихся еще в ясном сознании, но более не имеющих сил и возможностей что-либо выразить словами, или **людей, совершенно не знающих «языка церкви»**, которая также совсем не знает их языка, и тому подобных. **Сюда же входят и случаи** полного незнания и **невосприимчивости людьми церковнославянского языка** храмовой молитвы в нашей церкви (с. 182-183).

Каким же должен быть сам *чин* таинства Крещения «безъязычных»? Это приходится творчески решать «на месте» (с. 184).

Итак, «безъязычными» являются не только немые или иностранцы, но даже и те, кто не понимает церковнославянский язык – иными словами, **все**, желающие креститься. Замечательно изображено в разбираемой работе современное состояние Русской Церкви: все некрещеные – неполноценны, все крещеные – крещены не вполне.

А вот как представлена ее история:

Главное все-таки заключалось в том, что церковь как-то чувствовала, *что* надо было сохранить как *свое нерушимое предание*, чтобы остаться равной себе даже **в долгую эпоху кризиса и самообороны** [имеются в виду X-XX вв.], **когда использовать все по смыслу (со временем, естественно, нередко теряемому) не было никакой возможности** и приходилось часто хранить не столько смысл и дух, сколько букву своей традиции (с. 28).

Храм... [стал] почти «проходным двором» (с. 25).

Таким образом, Кочетков отрицает историю Русской Церкви и русской святости. Но этим он не ограничивается:

Решение... проблемы затрудняют ныне и столь очевидно **недостаточные качество, богатство, точность и ясность языка духовной словесности и литературы** и, в первую очередь, **Библии, богослужебных книг** и проповедей. К сожалению, здесь еще не удается избежать своих дополнительных трудностей – дуалистических крайностей, невежественных смешений и **тупой ревности «не по разуму»** в вопросах отношения церкви и мира, **сохранения традиции** и ее обновления (с. 184-184).

Кочетков ставит под сомнение даже апостольское преемство иерархии:

После апостолов таинстводействие миропомазания стали совершать их преемники, т.е. люди, действительно (действенно) несущие в Церкви «служение слова», «пребывающие в молитве» (Деян 6:4) и благодатно способные к основанию новых поместных церквей, т.е. вполне пережившие личную Пятидесятницу и призванные к этому служению Церковью на основе избрания Богом... Являются ли, **хотя бы отчасти, но реально**, преемниками апостолов *все* те, кто **на это сейчас в церкви «имеет право»** (ведь **практически** нынешняя форма передачи и получения этого преемства остается, **мягко говоря**, несовершенной, она может, как известно, легко выхолащиваться, т.е. **объективироваться, отрываясь тем самым от своего первоначального Духа, смысла и содержания;** с. 10-11).

Только за патриархом **в нашей церкви фактически** признается полнота личной преемственности от апостолов (как не вспомнить здесь про папу в Римско-католической церкви), но **даже** и он ее полностью не реализует, **ибо сам, будучи «монахом», как правило, таинстводействий миропомазания не совершает, так же как обычно и не использует формально сохраненного за епископами права совершать его через руковоложение**. Выходит, что и не с кого спрашивать полноту духовной ответственности в церкви, которой не осталось никакой возможности проявить себя. **Может быть, поэтому, действительно**, так редки в наши дни личные Пятидесятницы, **связываемые с таинстводействиями миропомазания?** (с. 235).

Вполне по-протестантски разделяя Церковь («невидимую») и церковь («видимую»), Кочетков готов признать апостольское преемство у протестантов, при этом отрицая преемство некоторых православных поместных Церквей:

Это относится и к целому ряду протестантских церквей и особенно к тем из них, которые непрерываемо сохранили истинное крещение, апостольскую преемственность епископата, литургию и являют благодать Святого Духа в святости своей духовной, церковной и личной жизни, каковы, например, некоторые лютеране, северные скандинавы, к которым относятся живущие и в нашей стране финны – члены этой церкви (с. 224).

Протестанты или часть из них **в принципе** могут знать эту личную Пятидесятницу, как и иметь подобным образом в некоторых их церквях истинную апостольскую преемственность и, следовательно, возможность совершать все церковные таинства. Если это на самом деле так, то вселенская Церковь *может* это увидеть и, увидев, согласно признать, тем самым безусловно, открыв свободный путь к восстановлению с ними евхаристического общения. По аналогии будет понятно, что возможен и обратный случай, когда, например, некоторые внешне православные люди могут оказаться вне личной Пятидесятницы, а некоторые поместные церкви (или приходы) и без полноты апостольского преемства (с. 235).

Итак:

Надо окончательно признать крещение всех протестантов, в том числе и крайних, например, баптистов, адвентистов, пятидесятников, как – в истории – и некоторых монтанистов-пелузиан или ариан (с. 51).

Иногда не грех крестить «вновь» **иного** «православного», даже слывущего «батюшкой» или «старцем», и не «перекрещивать» **иного** простеца – **пятидесятника-единственника** (унитария) или иеговиста (с. 223).

Строгая литургичность всего «Последования святого миропомазания» требует, в полном соответствии с православной традицией, совершать эти чины, так же, как и крещенские, *только* рукоположенному *епископу или пресвитеру*:

Всякое иное сошествие Святого Духа, поскольку оно сейчас не исключается из принципов православно-христианской жизни, совершается уже не по нашему чину, а в харизматической полноте Свободы Духа Святого, которую никто судить не может. Отличать же эту Свободу от ее подделки и стилизации для Церкви, имеющей дар Того же Духа «различать духи и Дух», – возможно. Для этого нужно лишь «собрать со Христом» такую горную Церковь и явить ее в церкви дольней. **И конечно, для этого нужно само «новое» излияние Святого Духа...** (с. 60).

Субъективизация апостольского преемства иерархии ведет Кочеткова к субъективизации роли мирян в Церкви:

Поскольку, как мы знаем, вопросы о том, «кто» и «чем» может совершать таинство Просвещения, решаются Церковью не всегда однозначно, постольку и возникает потребность и возможность особого «мирянского» и, может быть, даже «харизматического» Крещения (с. 174-175).

В современную эпоху, по догматическому учению церкви, как правило, «должность» служить таинству Миропомазания принадлежит *епископам*, особенно **автокефальным**, и, отчасти, *пресвитерам (священникам)* с благословения их епископов.

Вопрос о возможности совершения таинств действий миропомазания *другими лицами*, кроме названных «иерархических», и тем более **чрезвычайного самомиропомазания**, исторически известного в жизни некоторых св. мучеников (и даже мучениц), **остается в Церкви открытым** (с. 11).

Можно лишь сожалеть, что литургически, как правило, это никак не оформляется, хотя **ничто не мешает любому «верному» тут же помолиться своими словами или использовать**, например, **молитву** вышеупомянутого чина: «Боже великий..! Сердце его утверди в Вере и в Любви Христа Твоего; дай ему участие и наследие в Церкви Твоей... Аминь», или **взять молитву** из «Книги чинов присоединения к православию»: «Благословен еси, Господи, от всех язык...», или даже **немного приспособленные к случаю третью и четвертую молитвы** чина 40-го дня (с. 21).

При подлинной невозможности обратиться вовремя к епископу или пресвитеру своей церкви (например, при отсутствии в округе храма или клира в нем), надо знать, что **данные чины могут быть совершены** и кем-либо другим из достойных и знающих христиан, **вплоть до мирян, не говоря уже о дьяконе и «младших» клириках – поставленных или благословленных** на свое служение чтецах, иподьяконах и певцах [слово «младший» не зря поставле-

но в кавычки – Кочетков в общем уравнивает их, по крайней мере, с диаконами; заметим также, что младшие клирики могут не поставляться, а только благословляться; современная практика, действительно, допускает исполнение служений младших клириков мирянами по благословению настоятелей храмов, но это не делает их в полном смысле слова клириками; Кочетков не обращает внимания на такие тонкости, тем самым он еще больше размывает принцип иерархичности в Церкви].

Так, **молитвы 1-го дня**, или хотя бы центральную из них, **мог бы совершить и глава семьи, отец** младенца, **или тот, кто способен его заменить**.

Молитву 8-го дня – тоже он, опустив маловажные в этом чине вступительные и заключительные «священнические» части. В отсутствие же отца эту молитву могли бы прочесть *мать* младенца и (или) будущий его *крестный* или *катехизатор*.

Несколько сложнее обстоит дело с чином 40-го дня. Первое и второе воцерковление могут совершить лишь *«представители» общины-церкви*, хотя и в данном случае это могут быть те же дьяконы, чтецы и будущие катехизаторы младенцев (в том числе и женщины), признанные за таковых Церковью – все с благословения пресвитера или епископа. Впрочем, в XI-XII веках в Византии даже в нормальных условиях **«введение во храм» совершалось «сиротами» – простыми певцами**. **Третье воцерковление матерей совершает тот, кто крестит и может вводить в церковь пред Лицо Божие и Церкви**. В наше время в самом крайнем случае это могут быть и дьякон, и (или) катехизатор, но все также по особому на то благословению (с. 24-25).

В заключение раздела, посвященного чином 2-го оглашения, коснемся, как всегда, трудного вопроса о том, *кто* может в крайних случаях совершать эти чины или их существенные части.

Само по себе **понятно, что вторую часть могут совершать экзорцисты**, которыми, как мы знаем, в древности были некоторые «миряне»-харизматики, но позже стали только утвержденные епископом отдельные клирики. **Сейчас** ни тех, ни других в нашей церкви не существует, и экзорцизмы читаются **всяким пресвитером**, совершающим чин оглашения и крещения. **Впрочем, и в наше время известны случаи, когда подлинными «бесогонами» являются простые одаренные монахи и монахини, т.е. те же благочестивые «миряне»-харизматики**. **Думается, что в крайних случаях, при необходимости борьбы с бесноватостью перед крещением, эту функцию может взять на себя любой христианин, имеющий от Бога такое дерзновение**. Здесь важен прежде всего результат, ведь «по плодам их узнаете их». При этом надо помнить, что **лучше экзорцизмы совсем не читать, чем вычитывать их лишь формально или без надежды на положительный результат**.

Что касается **первой и третьей частей 2-го оглашения, то их, как и первое и второе воцерковление** в чине 40-го дня, **могут совершать лишь достойные представители общины-церкви**, т.е. в крайнем случае, **когда длительное время нет в ней такового, епископа или пресвитера**, – дьякон, чтец и катехизатор (в т.ч. и женщины), **все с особым на то благословением у своего духовного или иерархического руководителя** (с. 38-39).

Возникает потребность и возможность особого «мирянского» и, может быть, даже «харизматического» **Крещения** (с. 174-175).

Священно- и церковнослужители, не являющиеся **епископами-пресвитерами**, чин крещения совершают так же, как он обычно совершается в церкви, за исключением освящения воды и елея, а также без миропомазания. **В будущем же, может быть, все эти элементы таинстводействия, вплоть до миропомазания, если епископы благословят использовать в таинстве святое миро не только пресвитерам, в чрезвычайных обстоятельствах смогут совершаться и некоторыми «низшими» священно или даже церковнослужителями, в том числе женщинами**. Однако пока этот вопрос не поднимается.

Лаики-миряне могут крестить уверовавших и подготовленных к таинстводействию людей, как и христианских младенцев, лишь в том случае, когда это оказывается внутренне или внешне невозможным для священно- и церковнослужителей. **По своему чину такое крещение может совпадать с крещением, совершаемым «низшими» клириками и церковнослужителями**. На практике же оно **чаще бывает сильно и нередко произвольно сокращено**, что и понятно, ибо практикуется оно, как правило, в чрезвычайных обстоятельствах и хотя и ревностными, но весьма мало подготовленными людьми (с. 175-176).

«Снятие белых одежд», «измовение» и «пострижение», как и всякий символический церковный «полулитургический» обряд, **может совершать пресвитер или епископ, но в крайнем случае, если таковых почему-либо нет, и любой достойный «представитель» Церкви, имевший личное отношение к совершавшемуся перед этим таинству и таинстводействию** (с. 64).

Выходит, все священнодействия Крещения (а в будущем – и Миропомазания) могут совершать миряне.⁹

Взамен канонического условия совершения таинства – совершения его правильно рукоположенным священником – Кочетков выдвигает свое:

Поскольку таинство Крещения в узком смысле слова, как и все остальные таинства, существует в Церкви и для Церкви, всякий **«креститель» должен быть полноценным, «полным» ее членом**, а значит, быть не только крещеным и не только знать обряд, чин таинстводействий, но быть еще и *наученным* в достаточной степени вере и **вести достойную христианскую жизнь** (с. 9).

Это условие – не что иное, как повторение ереси кафаров, ставивших действительность таинств в зависимость от личности их совершителя.

Совершившись наконец, Крещение сразу делает человека святым:

[Бывает] **отпуст, на котором обычно воспоминается святой – сам новокрещеный** (с. 52).

Это – чистое баптистское учение о Крещении.

Наконец, заметим, что по мнению Кочеткова Крещение для спасения и вовсе необязательно:

Никогда не надо спешить с крещением, даже из страха физической смерти, а спешить надо только с тем, чтобы как новорожденный в христианской семье, так и новоуверовавший во Христа человек, происходящий из нехристианской среды, стал *оглашаемым* (с. 12).

Столь смелые выводы сочетаются в работе свящ. Г. Кочеткова с элементарной безграмотностью в области литургики:

Если же какое-либо имя присовено человеку вне церкви и оно не меняется при его воцерковлении, то это в **большой степени обесмысливает молитву** 8-го дня (с. 23).

[Молитва 8-го дня – в первую очередь, молитва наречения человеку имени *христианина*; с личным именем это мало связано].

Второй чин («Молитва, во еже назнаменати отроча, приемлющее имя во осьмый день рождения своего») содержит начальные молитвы с **отпустительным тропарем**, молитву «приемлющему имя» младенцу со знаменем креста (основной в чине элемент) и **тропарь** Сретения Господня с отпустом.

[Из приведенного текста ясно, что Кочетков не понимает смысла термина “отпустительный тропарь”: оба упомянутых тропаря – отпустительные].

Вторая часть “Последования” – очень древняя, она связана еще с возникновением и оформлением в **нижнем Египте** в конце II века одного из первых собственно христианских праздников Крещения Господня или Богоявления. Очень скоро он стал, наряду с Пасхой, и одним из нарочитых дней крещения в церкви, происходившего в самый день праздника между утреней и литургией верных... Не случайно эта молитва уподобляется по структуре **антиохийским анафорам**.

[Не ясно, какая связь между появлением молитвы водоосвящения в нижнем Египте и антиохийскими анафорами – это были некогда совершенно разные традиции!].

И условно, **так же как и они, делится на префацию** (введение), **анамнесис** (воспоминание) – со слов «Ты бо, Бог сый неописанный...», и нисходящий **эпиклесис** (призывание) – со слов «Ты убо, Человеколюбче Царю...»

[Как известно, антиохийские анафоры делятся минимум на пять частей; автор забыл о санктусе].

Это естественная, «нормальная» структура всякого церковного освящения (с. 43).

[А как же быть тогда с анафорами неантиохийскими, совершенно иными по структуре – они «ненормальны»?]

Ведь не случайно **наш знаменитый пасхальный крестный ход берет свое начало от шествия новокрещенных в Церковь** на празднование Христовых Смерти и Воскресения (с. 56).

[Восточный пасхальный крестный ход, в отличие от западного, вовсе не берет начала от шествия новокрещенных – достаточно посмотреть Типиконы Великой церкви и Студийский].

Священнику лучше всего сказать несколько слов о значении и смысле этих обрядов, упомянув и **о бывшем в этот момент когда-то главным снятии белых крещенских одежд**. Впрочем, здесь не надо и чего-то придумывать, зная, что **«измовение» никакого особо большого смысла и значения не имеет**, а «пострижение» имеет лишь (уже давно непонятный без подсказки) символический смысл благословения, вернее, «перехода в благословенное подданство Христа» как Царя и Господа, послушания и самопожертвования «всего себя и друг друга и всей жизни нашей» Христу и Богу (с. 61).

⁹ Как известно, миряне действительно могут крестить, но только в случае смертной опасности — эта каноническая норма полностью игнорируется...

[Именно измовение имело всегда большой смысл; до омовения мира люди не снимали головных повязок – в Византии и на Руси помазывали только голову, – чтобы не отереть нечаянно св. мира; заметим также некоторое противопоставление Христа Богу – Кочетков говорит не «Христу Богу», а «Христу и Богу»].

Только Лаодикийский собор установил обязательное помазание св. миром *после* крещения (с. 45). [Предположение, осторожно высказанное проф. Арранцем, Кочетков считает полностью доказанным фактом].

Неосведомленность в литургике окупается лишенными смысла фразами вроде:

таинства, будучи **церковными**, всегда являются и **личностными** по своей **ноуменальной** природе (с. 4).

Наконец, отметим еще несколько особенностей во взглядах свящ. Г. Кочеткова, напрямую с Крещением не связанных. Это:

а) вера в магию:

Не следует противопоставлять духовные средства «лечения» и исцеляющую милость Божию средствам обыкновенным, традиционным (таблеткам и проч.) и **нетрадиционными** (даже, может быть, с элементами «экстрасенсорными», «психотренинга», «йоги» и т.д.). **Важно** только, **чтобы эти средства** не противоречили по духу христианским т.е. **не являлись бы черномагическими, колдовскими или темнознахарскими, что**, как известно, **зависит** в большей степени **не от самих применяемых средств, а от породившего их духовного направления**, для определения которого нередко требуется большой опыт, особые знания и благодатный дар... (с. 136).

Кочетков доходит в своих изысканиях до того, что прямо хулит Духа Святого, называя таинства «магическими заклинаниями», совершаемыми «богами»:

Однако здесь, как вообще во всем, что касается действительности святынь, обрядов и особенно таинстводействий, легко впасть в одно из *древних и постоянных* больших церковных искушений. **Космический и гностический момент таинства и таинстводействия всегда должен отличаться от магического (хотя бы и беломagicеского) заклинания, также действующего в гностической и космической, ментальной и астрально-стихийной сфере.**

Для этого христианину **надо духовно ведать и знать, «какою силою» совершается церковное освящение. Если благодатной и свободной энергией от Бога в Церкви, тогда все нормально, хотя и таинственно, мистически. Но если силою самого чина, «сделанного дела», имманентным миру сему, безличным духом, пусть даже и абсолютным, т.е. богом или богами, через безличное посредство человека, пусть и состоящего в пресвитерской или епископской должности, и лишь, так сказать, при церковных стенах, тогда это дело уже «неладно»** (с. 44-45).

б) учение о будущем превращении всех людей в андрогинов:

При таинстводовстве **можно кратко сказать и об учении Церкви о конечном состоянии людей**, когда все будут «как ангелы на небесах» (Мф 22:30, Мк 12:25), хотя в своей земной жизни многие из них могли быть и в браке. **Это учение говорит** не о будущей бескачественной бесполости, а **об эсхатологическом восполнении «пола» человека до целостности андрогина...** Пока же остается непреложным тот факт, что **в нашей церкви как женские, так и мужские служения остаются недораскрытыми** и что для раскрытия их еще предстоит приложить боль, усилия (с. 133);

в) симпатия к гностикам и гностицизму:

Надо будет акцентировать вопрос о жизни в Церкви не просто по вере, как во время оглашения, а по *истинной* вере, жизни по Истине, по ее ведению (гносису) (с. 106).

О неких Тайнах христианства, передаваемых лишь в сокровенных «тесных келлиях», писали некоторые святые отцы, например, свт. Василий Великий. Это – «эзотерическое» христианство не всех христиан, что еще не значит, что оно в принципе не доступно для всех. Но оно возможно лишь на основе уже существующего личного откровения и упоминавшегося нами там же тайноведения, которое для «совершенных», для христианских «пророков» и «гностиков».

О «гностиках» много замечательного писали церковные учителя-катехизаторы Климент Александрийский и Ориген, святые мистики Григорий Нисский, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама и другие. В отличие от нехристианских и нецерковных гностиков, они никому в Церкви не закрывают дорогу на пути к совершенству и полноте боговидческой духовности, но **они и не придерживаются тенденции к искусственному уравниванию в Церкви**, якобы признающей лишь внешне-иерархическое неравенство; **они исходят из слов апостола: «До чего мы достигли, так и (должны) мыслить и по тому правилу жить»** (Флп 3:16).

Это мистический пласт жизни Церкви на самом высшем его уровне – на опытно-трансцендентном уровне мистики Свободы и Творчества. Но надо помнить, что в нашей Церкви существует и другая мистика, более связанная с аскетикой: опытно-трансцендентальная мистика начального уровня – «мистика таинств и догматов» и подобная ей мистика среднего уровня – «мистика макро- и микрокосмоса», в т.ч. молитвы Иисусовой, которая основана на начальной мистике, чем она всегда и отличается даже от лучших мистико-языческих систем, где такой основы не было и не могло быть. Очевидно, что никакое обязательное для всех мистическое тайноводство невозможно (с. 111).

[Заметим еще раз: гностическая мистика выше мистики «макро- и микрокосмоса» (не ясно, при чем здесь молитва Иисусова), а обе они выше мистики «догматов и таинств». Самое важное в Церкви Кочетков объявляет наименее важным!]

г) своеобразное понимание догмата о Троичности Божества:

Догмат Святой Троицы возвещает Тайну и является таинством веры в Божественное Единство вне рамок абсолютного однообразия. Единства, побеждающего «ненавистную рознь мира сего» силой Своего нетварного божественного Света (с. 107);

д) учение о догматическом развитии:

Как и чины таинств, словесная ткань догматических формул и символов может в истории Церкви меняться и уточняться. Число их также условно и перемененно. Но догматы, опять же как и таинства, имеют неизменное значение, силу, дух и смысл... Вопрос о догматическом развитии выходит за рамки таинствоводства и потому ставиться не должен, хотя опять же, если будет прямой вопрос, можно признать, что оно «больше, чем развитие богословское», которое есть в основном только человеческое в Церкви, что оно, будучи синергичным, в то же время, подобно таинству, «есть развитие самого откровения, есть продолжающийся творческий акт по отношению к миру в человеке, т.е. новое откровение тайны Божьего творения через человека» (с. 107-108).

Итак, с богословской точки зрения работа Кочеткова представляет собой набор еретических мыслей, основанных, большей частью, на несторианском разделении духовного и телесного (во Христе – Логоса и Иисуса, в Церкви – Церкви и церкви, в таинствах – харизмы и обряда). Кочетков подпадает под анафематизмы свт. Кирилла Александрийского, подпадает под клятвы Вселенских Соборов, начиная с IV-го (ибо попирает даже Символ веры). Кроме того, Кочетков в своем учении повторяет еретические взгляды кафаров и баптистов, фактически отрицает апостольское преемство иерархии, абсолютно субъективизирует чины таинств (вплоть до их полного отсутствия), хулит Духа Святого, называя таинства магическими заклинаниями, симпатизирует гностицизму и прямо говорит о превосходстве гностической мистики над «мистикой догматов и таинств» и т.д.

3. Выводы

Выводы вкратце можно сформулировать так.

Диссертация свящ. Г. Кочеткова научной ценности не имеет; богословские взгляды, изложенные в ней, с Православием несовместимы.

Возвращаясь к началу этой статьи, можно заключить: историко-богословские построения свящ. Г. Кочеткова – псевдонаука и псевдобогословие.